
**ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ**

**ДИАЛЕКТИКА НРАВСТВЕННОСТИ И ПРАВА
В ФИЛОСОФИИ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА**

© 2009 г. А.С. Автономов¹

*Себя в другом в толпе увидеть
И, как чужого, ненавидеть,
Потом понять, в конце простить,
Войти в себя и снова жить.*

В.С. Нерсесянц

Данная статья задумывалась как тема для обсуждения в ходе Третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца, прошедших в Институте государства и права РАН в октябре 2008 г., в связи с которыми В.Г. Графский по складывающейся традиции чтений подготовил и разослал заблаговременно тезисы *“Философия права в России: история и современность”*. Хотя дискуссия в ходе чтений, к сожалению, пошла не по указанным тезисам, они, представляя собой краткий, но весьма емкий очерк истории отечественной философии права, дают богатую пищу для размышления. Невозможно не обратить внимания на то, что в данном очерке, разделенном на семь непоименованных частей, в первых четырех частях В.С. Соловьев является одним из немногих неизменно упоминаемых мыслителей, несмотря на невозможность причисления его к тем, кто специализировался, если так можно выразиться, на философии права. И такое неоднократное обращение к идеям В.С. Соловьева в коротком очерке истории отечественной философии права отнюдь не выглядит неуместным или нарочитым, а наоборот, органически вписывается в эту историю. По словам В.Г. Графского, “заслуга Вл. Соловьева в том, что он возвысил и укрепил духовное начало в философии права, и сделал это не только с помощью Канта и Шеллинга, но не в последнюю очередь – Хомякова и Киреевского. В этом смысле он является синтезатором западной и российской философско-правовой позиции”². В связи с этим представляется интересным и важ-

ным остановиться на рассмотрении некоторых идей В.С. Соловьева.

Обратим внимание на то, что В.С. Соловьев первоначально осуждал право, противопоставляя его однозначно нравственности в религиозном понимании. Не отказываясь от принципиальных установок своей философской системы, В.С. Соловьев прошел довольно сложный эволюционный путь в осознании объективности права как явления и в результате этого в поисках смысла его существования и соотношения права с нравственностью. Именно переход от осуждения права к его оправданию и предлагает в своей диссертации Е.А. Прибыткова в качестве основы для периодизации философии права В.С. Соловьева (1874–1882 гг. – осуждение права, 1883–1900 гг. – оправдание права)³. Ограниченный объем статьи не позволяет подробно рассмотреть указанную эволюцию взглядов русского мыслителя. Вместе с тем, принимая во внимание органическое единство принципиальных основ взглядов раннего и зрелого периодов в творчестве В.С. Соловьева, попробуем разобраться в подходах к соотношению нравственности и права в период наивысшего развития его философской системы. Наиболее значимыми произведениями, в которых излагаются философско-правовые взгляды позднего В.С. Соловьева, являются его книга *“Оправдание добра. Нравственная философия”* и практически одновременно с ней изданная и созвучная ей работа *“Право и нравственность”*.

Одна из проблем, которая привлекла его пристальное внимание, – соотношение права и нравственности. *“Взаимное отношение между*

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор журнала *“Государство и право”*, доктор юридических наук, профессор.

² *Графский В.Г.* Философия права в России: история и современность (Тезисы для обсуждения за “круглым столом”). 2008. Архив автора. С. 5.

³ См.: *Прибыткова Е.А.* Философия права Владимира Сергеевича Соловьева. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11, 16 и др.

нравственную область и правовую, – пишет В.С. Соловьев в книге “Оправдание добра. Нравственная философия”, – есть один из коренных вопросов практической философии”⁴. Таким образом, речь идет о реальной жизненной проблеме, требующей философского разрешения. И проблема стоит так: может ли право быть безнравственным, а нравственность – антиправовой? Надо сказать, что такая постановка проблемы уже давно известна человечеству, по-видимому, со времени осознания, что наличествуют такие явления, как право и нравственность, и сохраняться она тоже будет, скорее всего, до тех пор, пока указанные явления существуют. Вместе с тем в XIX – начале XX вв. интерес к данной проблеме обострился в силу потребностей осмысления того нового, что происходило в правовой сфере в Европе, Америке, некоторых странах Азии и Африки: внедрение практического конституционализма, кодификации отраслевого законодательства, существенное обновление законодательства в ходе революций, реформ, контрреволюций и контрреформ.

В то же время вместе с изменениями в общественной жизни шла и смена нравственных ориентиров. Однако трансформации в правовой и нравственной сферах происходят асимметрично и асинхронно, что особенно заметно в эпохи коренной ломки устоявшихся общественных отношений и глубоких преобразований практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Как известно, право обеспечивается государством. Юридические нормы действуют только в том случае, если признаются государством в качестве таковых: они либо содержатся в актах, получивших одобрение соответствующих государственных органов, либо санкционируются государством, когда формируются вне государственных органов (например, нормы обычая). Государство же обеспечивает и действенность правовых норм. Конечно, это позволяет государству оказывать сильное воздействие на развитие права, причем государство способно оказывать на развитие права целенаправленное воздействие. Обратим внимание на то, что нет института, который воздействовал бы на развитие нравственности аналогично тому, как государство воздействует на развитие права. В особенности явственно роль государства в развитии права заметна в условиях проведения преобразований, а в XIX в., как уже отмечалось, во многих странах происходили существенные изменения в политической, экономической, социальной и других сферах.

Возможно, именно в силу возросшей роли государства к концу XIX в. юристы ряда стран континентальной Европы встали на позицию, согласно которой источником права могут быть признаны только нормативные акты, а за обычаями и судебными прецедентами не признавались свойства источников права, хотя в Средние века не только в Англии, но и в странах континентальной Европы и к обычаям, и к судебным прецедентам часто прибегали как к источникам права. Обратим внимание на то, что и В.С. Соловьев, когда пишет о конкретных проявлениях права, ведет речь исключительно о законе, у которого он выделяет три отличительных признака: во-первых, публичность, т. е. доведенность до всеобщего сведения; во-вторых, конкретность, состоящая в отражении реальных отношений, а не провозглашении абстрактных истин; в-третьих, реальная применимость, под которой понимается удобоисполнимость в каждом единичном случае⁵. К концу XIX столетия также довольно популярным стало такое направление правовой мысли, как юридический позитивизм. При этом уже отмеченная асимметричность и асинхронность развития права и нравственности неоднократно приводила (и приводит) к различиям в оценках одних и тех же событий или деяний с правовых и нравственных позиций.

К концу XIX в. к проблеме соотношения нравственности и права обращались многие исследователи. Собственно, “Оправдание добра” написано с позиций “полемики с ходячими современными теориями, имеющими опору в высоком авторитете лиц, их выставивших”, говоря словами Э.Л. Радлова⁶. Хотя в самой книге дискуссия не представлена, но она, несомненно, служила интеллектуальным фоном изложения В.С. Соловьевым его оригинальных концептуальных подходов к различным этическим проблемам. “Оправдание добра” в виде журнальных публикаций отдельных глав стало выходить с конца 1894 г., а отдельным изданием вышло в 1897 г.

В.С. Соловьев постулирует неразрывную связь права и нравственности, указывая, что “для вполне последовательного разобшения между правом и нравственностью нужно было бы отказаться от самого слова человеческого, которое на всех языках непреложно свидетельствует о коренной, внутренней связи этих двух идей. Понятие права и соотносительное с ним понятие обязанности настолько входят в область идей нравственных, что

⁵ См.: там же. С. 459–460.

⁶ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1897. № 11. С. 242.

⁴ Соловьев В.С. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 446.

прямо могут служить для их выражения”⁷ (обратим внимание попутно на то, что у В.С. Соловьева не возникает каких-либо сомнений относительно неразрывности юридических прав и обязанностей). Итак, речь идет о сходстве терминологии, в которой выражаются правовые и нравственные понятия, как отражении схожести явлений, стоящих за указанной терминологией. В.С. Соловьев выявляет не только сходство, но и генетическое единство права и нравственности. Правда, специально генезисом и историческим развитием права и нравственности он не занимался. Однако, судя по фразе в подстрочном примечании (“такие мнимые законы представляют собой лишь необрушенный остаток от древнего состояния слитности или смешанности нравственных и юридических понятий”⁸), для В.С. Соловьева было самым собой разумеющимся изначальное единство неких правил, из которых со временем выделились юридические и нравственные нормы. Вероятно, в силу самоочевидности для В.С. Соловьева такого хода событий проблематика исторического разделения нравственности и права не привлекает его внимания. Проблема генезиса регулятивной системы общества в целом и различных ее составляющих выходит за рамки исследования В.С. Соловьева. Да и вообще он не рассматривает регулятивную систему общества в целом, не разбирает вопрос о количестве элементов данной системы, а останавливается только на соотношении права и нравственности, которые, как мы сегодня знаем, являются двумя составляющими регулятивной системы общества. В конце XIX в. время для более широкой постановки вопроса, видимо, еще не наступило.

Вообще на генезисе правил, которыми человек должен руководствоваться в своем поведении (по-видимому, первоначально единых, а позже разделившихся на нравственные и юридические), В.С. Соловьев не останавливается, что вполне вписывается в его религиозную философию: такие правила имеют божественный источник. Поэтому в силу очевидности для В.С. Соловьева божественности происхождения нравственных правил вопрос о генезисе для него, естественно, не встает. Впрочем, и историю процесса разделения нравственных и правовых норм В.С. Соловьев не рассматривает, решив для себя принципиально единство их источника. Его внимание привлекают критерии разграничения нравственности и права.

Он обнаруживает три критерия, в соответствии с которыми право отграничивается от нравственности. Во-первых, право отличается от нравственности по степени требовательности к человеку в следовании идеалам добра. В.С. Соловьев полагает, что право гораздо менее требовательно по отношению к человеку по сравнению с нравственностью. По В.С. Соловьеву, право есть низший предел, или определенный минимум, нравственности. Во-вторых, он различает право и нравственность по способу их проявления: право есть требование осуществления определенного минимального добра, “тогда как интерес собственно нравственный относится непосредственно не к внешней реализации добра, а к его внутреннему существованию в сердце человеческого”⁹. В-третьих, право отличается от нравственности по характеру претворения в жизнь соответствующих предписаний: правовые нормы могут исполняться принудительно, а нравственные правила должны исполняться исключительно на добровольных началах.

На основе этих размышлений В.С. Соловьев делает вывод о том, что “право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла”¹⁰. Следуя в своих рассуждениях дальше, он определяет основную функцию права. По его мнению, принудительные юридические законы обеспечивают безопасность всех и тем самым само существование общества (“существование общества зависит не от совершенства некоторых, а от безопасности всех”¹¹), и нравственность как высшая цель и стремление к совершенству нужна человеку для жизни, которая и возможна как человеческая лишь в обществе (“без существования человеческого общества нравственность есть только отвлеченное понятие”¹²). Следовательно, право, обеспечивая существование общества благодаря принудительности действия юридических норм и минимальности требований к человеку по воздержанию от зла, создает условия для реального существования нравственности, черпая в то же время из нее представления о добре.

Установив предназначение права, В.С. Соловьев обращается к поискам того института (или, говоря его словами, “общественного тела”), чья сила и придает праву принудительный характер, и обнаруживает, что таким институтом является

⁹ Там же. С. 449.

¹⁰ Там же. С. 450.

¹¹ Там же. С. 451.

¹² Там же.

⁷ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 446.

⁸ Там же. С. 460 (сноска, обозначенная одной звездочкой).

государство, поскольку государством называется общественное тело, заключающее в себе полноту положительного права и осуществляющее верховную власть. “Только в государстве право находит все условия для своего действительного осуществления, и с этой стороны государство есть *воплощенное право*”¹³. Примечательно, что к отождествлению права и государства в своих теоретических построениях пришли мыслители В.С. Соловьев и Г. Кельзен, чьи исходные послышки были, если не прямо противоположными, то уж точно принципиально различными. Так, основное внимание в исследованиях В.С. Соловьева уделяется нравственности, и все общественные явления, в том числе и право, он рассматривает с позиций нравственной философии. Г. Кельзен же, напротив, во главу своей теории ставит право как таковое и старается рассматривать его само по себе, стремясь абстрагироваться насколько это возможно от воздействия на право других общественных явлений с тем, чтобы избежать искажения понимания собственно права. Отметим, что среди учений о праве довольно редко встречаются концепции, в которых отождествляются право и государство, принимая во внимание те обстоятельства, что деятельность государства не сводится исключительно к функционированию права, а право не замыкается целиком на государстве. Впрочем, разбор взглядов В.С. Соловьева на государство не входит в цели настоящего исследования, и этих взглядов я коснулся постольку, поскольку они касались понимания В.С. Соловьевым права и соотношения права и нравственности.

Критерии, предлагаемые мыслителем для разграничения нравственности и права, весьма интересны. Вместе с тем представляется, что В.С. Соловьев при использовании данных критериев абсолютизирует различия нравственности и права. В частности, вряд ли можно свести право просто к минимуму нравственности. Во-первых, сферы регулирования права и нравственности, хотя и пересекаются, перекрывая друг друга основательно, но не совпадают полностью. Например, в сферу регулирования нравственности не входят продолжительность срока полномочий органов, периодичность созыва тех или иных органов, которые не работают постоянно, периодичность отчетности одних органов перед другими, сроки уплаты налогов, формы налоговой и иной отчетности и т.д. В то же время в сферу регулирования права не входят, к примеру, правила дружбы или взаимоотношения между людьми, определяемые

любовью во всех разнообразных смыслах, которые вкладывают в это слово, и пр. В.С. Соловьев часто обращается именно к любви в своих рассуждениях о различиях между правом и нравственностью, однако факт невхождения каких-либо взаимоотношений в сферу регулирования нравственности или права сам по себе не делает одно из этих явлений лишь минимумом другого, поскольку, как уже упоминалось, ни одна из рассматриваемых сфер регулирования не входит в другую.

Во-вторых, там, где сферы регулирования нравственности и права совпадают, нет никаких оснований (да и В.С. Соловьев таких оснований не приводит) полагать, что соблюдение правил нравственности всегда требует от любого человека больше душевных усилий, чем следование нормам права. Ведь соблюдение норм права во многом обеспечивается правосознанием, а не просто насильем со стороны государства, иначе для целей реализации права к каждому человеку пришлось бы приставить по котроллеру для несусыпного наблюдения, не нарушает ли человек нормы права, впрочем, и к контролеру, в свою очередь, также пришлось бы прикрепить по котроллеру и так далее до бесконечности. О роли правосознания пишет, к примеру, И.А. Ильин (его взгляды особенно примечательны в рассматриваемом контексте религиозно-философских подходов к нравственности и праву, поскольку он, как известно, и юрист, и философ, и религиозный мыслитель): “Право есть *внешний* порядок жизни. Но, если этот внешний порядок отрывается от *внутренних* состояний духа, не творится ими, не приемлется или не вырастает из их зрелости, из их автономии, из их содержательной верности и цельности, – то он вырождается, мертвеет, унижает человека и, распадаясь, губит жизнь духа. Право *с виду* не нуждается в правосознании и часто даже не имеет к нему доступа. Однако *на самом деле* оно *живет* правосознанием и исполняет свое значение тем лучше, чем правосознание зрелее и совершеннее”¹⁴. Впрочем, и сам В.С. Соловьев вовсе не сводит исполнение правовых норм исключительно к результатам внешнего воздействия на человека. Так, он отмечает, что “и нравственный, и юридический закон относятся, собственно, к внутреннему существу человека, его воле”¹⁵. Таким образом, однозначно свести право к минимуму нравственности вряд ли представляется возможным.

Представляется некорректным абсолютизировать и различия между правом и нравствен-

¹³ Там же. С. 461.

¹⁴ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 229.

¹⁵ Соловьев В.С. Указ соч. С. 449.

ностью по способу их проявления. Ведь вовне проявляются не только правомерные или неправомерные деяния, но и следование требованиям нравственности. Именно по поведению человека можно судить, нравственно он поступает или нет. Невозможно же считать высоконравственным человека, который понимает, что действует вопреки нравственности, и даже, вероятно, мучается из-за этого, но все же действует безнравственно. При этом речь идет не о такой ситуации, когда перед человеком стоит выбор поведения в сложной ситуации, когда любая из возможных для выбора альтернатив поведения не выглядит на первый взгляд безупречно нравственной. Такая ситуация заставляет человека задуматься об избрании поведения, но если основой для выбора того или иного поведения является нравственность, то и человек отыщет такой способ поведения, который будет оправдан с нравственной точки зрения. Однако в том случае, когда человек поступает безнравственно, в то время как можно было бы избрать иной способ поведения, основанный на требованиях нравственности, хотя и невыгодный по тем или иным не относящимся к нравственности соображениям, вряд ли кто назовет такого человека нравственным. Когда же, наоборот, человек поступает нравственно, хотя и ругает себя за избрание невыгодного, хотя и нравственного, способа поведения, то такого человека, который просто не может поступить безнравственно, хотя и хотел бы действовать иначе, нельзя не считать нравственным. Таким образом, не только право, но и нравственность проявляются вовне.

Что касается третьего критерия, предлагаемого В.С. Соловьевым, то, безусловно, он совершенно справедливо отмечает, что исполнение правовых норм может опираться на легитимное насилие со стороны государства, а нравственные нормы не могут претворяться в жизнь с помощью государственного насилия. Вместе с тем нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что реализация предписаний нравственности не обходится без внешнего (по отношению к индивидууму) воздействия: общественное мнение играет существенную роль и в формировании норм нравственности, и в обеспечении их реализации, поскольку позитивная или негативная реакция на поведение человека является мощным стимулом к соблюдению предписаний нравственности. В.С. Соловьев, как уже отмечалось, полагает нравственность необходимой именно для жизни в обществе, при этом он останавливается на христианской нравственности, не отделяя ее от нравственности вообще. Однако и в рамках христианской парадигмы можно обнаружить вариации нравственных посту-

латов у православных, католиков, протестантов различных толков и др. И даже в рамках одной и той же христианской деноминации нравственные установки и оценки могут на протяжении истории меняться, иногда весьма существенно. Так, Жанна д'Арк была осуждена и церковным, и светским судом и вследствие этого казнена, однако спустя несколько столетий она была причислена к лику святых той же католической церковью, которая в былые времена ее осудила. Другими словами, меняется общество, трансформируется и общественное мнение, что влечет за собой и перемены в представлениях о том, что нравственно и что безнравственно.

Правда, влияние, которое оказывает общественное мнение на действенность предписаний нравственности, не может сравниться с воздействием, оказываемым государством на реализацию правовых норм, на что справедливо обращает внимание В.С. Соловьев. Вместе с тем он сильно преувеличивает значение принуждения для применения права (он даже называет мнимыми законы, если предписания не сопровождаются санкциями, т.е. угрозами принудительных и карательных мер на случай неисполнения предписаний законов или нарушения их запрещений¹⁶). Он почему-то не обращает внимания на то, что наряду с императивными нормами имеются и нормы диспозитивные. Вообще нормы права весьма разнообразны (рамочные нормы, нормы-определения, нормы-принципы и т. д.), и отнюдь не все из них предполагают принуждение при определенных обстоятельствах. Ведь право служит для регулирования отношений, а регулирование отнюдь не может ограничиваться только принуждением, имеются и другие методы регулирующего воздействия.

Как уже отмечалось, В.С. Соловьев несколько преувеличивает значение принудительности в правореализации (хотя и он сам пишет об угрозе принуждения, а не исключительно о принуждении при любом осуществлении правовой нормы), но, если полагать упомянутое принуждение (и угрозу принуждения) только частным случаем активности государства ради адекватного применения права, нельзя с ним не согласиться, что именно государство обеспечивает действенность правовых норм. Однако, конечно же, обеспечение реализации правовых норм не сводится лишь к принуждению, к которому государство прибегает сравнительно редко. Имеется целый ряд действий государства, не связанных с принуждением и вместе с тем нацеленных на внедрение правовых

¹⁶ См.: там же. С. 460 (включая и сноску, обозначенную двумя звездочками).

норм в жизнь. В частности, государство издает акты, содержащие нормы, или санкционирует юридические нормы, гарантируя тем самым им государственную поддержку. Государство доводит содержание юридических норм до сведения всех или по крайней мере всех заинтересованных в реализации таких норм и обязанных их соблюдать или применять. Государство создает и поддерживает инфраструктуру осуществления юридических норм, в том числе учреждает необходимые для этого органы (обращая внимание на то, что для осуществления юридических норм нужны не только органы, применяющие принуждение, но и другие органы), создает условия для их работы, выстраивает взаимосвязи между ними и т.п.

Диалектичность подхода В.С. Соловьева проявляется и в том, что он показывает не только различия между правом и нравственностью, но и исследует то, что их объединяет. Собственно, отнюдь не В.С. Соловьев выступает в качестве первооткрывателя (впрочем, на такое первенство он и не претендует) единства, но не тождества права и нравственности. Например, Г.В.Ф. Гегель выявлял три формы существования нравственности: во-первых, в качестве абсолютной нравственности, состоящей не в совокупности, а в безразличии всех добродетелей (абсолютная нравственность “пронизывает все добродетели, но не фиксируется ни в одной из них”); во-вторых, в качестве относительной нравственности (“связана с отношениями и не организуется, не движется в них свободно, а сохраняет определенность, которая в них есть”), которая “создает право и является добропорядочностью”; в-третьих, в качестве доверия, которое “существует в тождестве первого и различии второго так, что тождество абсолютной нравственности является скрытым и в то же время не включенным в понятие и развитым созерцанием, и поэтому последнее в форме своей интеллектуальности лежит вне его”¹⁷. Таким образом, Г.В.Ф. Гегель прочно связывает право с определенной формой существования нравственности (а именно – с относительной нравственностью, по его терминологии). В.С. Соловьев иначе подходит к данной проблеме. “Правом, – пишет он, – обусловлена действительная организация нравственной жизни в целом человечестве, и при отрицательном отношении к праву, как такому, нравственная проповедь, лишенная объективных средств и опор в чуждой ей реальной среде, осталась бы в лучшем случае только невинным пу-

стословием, а само право, с другой стороны, при полном отделении своих формальных понятий и учреждений от их нравственных принципов и целей потеряло бы свое безусловное основание и в сущности ничем уже более не отличалось бы от произвола”¹⁸. Вряд ли лучше самого В.С. Соловьева можно было бы выразить его представления о диалектическом характере взаимоотношений права и нравственности – об их противостоянии и одновременно с этим неразрывности их существования. Именно “поэтому если какой-нибудь положительный закон идет вразрез с нравственным сознанием добра, то мы можем быть заранее уверены, что он не отвечает и существенным требованиям права, и правовой интерес относительно таких законов может состоять никак не в их сохранении, а только в их *правомерной* отмене”¹⁹. Таким образом, возвращаясь к вопросу, поставленному в начале данной статьи, о том, может ли быть безнравственное право, а нравственность – антиправовой, у В.С. Соловьева обнаруживаем однозначно отрицательный ответ. Обратим также внимание на то, что он не отождествляет право и закон, и в его рассуждениях допускается возможность ситуации, в которой конкретный закон окажется несоответствующим требованиям нравственности, но тогда такой закон является неправовым и, следовательно, подлежит отмене, причем и сама отмена, как подчеркивает В.С. Соловьев, должна производиться правомерно.

Большое значение В.С. Соловьев придает идее “равноправности или справедливости”²⁰. И это тоже объединяет право и нравственность. Отметим попутно, что В.С. Нерсесянц в справедливости видит внутреннее свойство, качество права²¹. Вместе с тем очевидно, что справедливость представляет собой не только правовую, но и нравственную категорию. В.С. Соловьев подчеркивает, что “в случае преступления, т.е. обиды человека человеком... нравственный принцип требует, чтобы мы признавали право обоим на нашу помощь для восстановления нарушенной правды и в том и в другом”²². Таким образом, позиция В.С. Соловьева совпадает с позицией сторонников восстановительного правосудия, которое в настоящее время (т.е. в конце XX – начале XXI вв.) внедряется в довольно широком кругу государств и при определенных обстоятельствах позволяет решать целый ряд проблем по преодолению преступности, профилактике рецидива и по возвращению к

¹⁸ Соловьев В.С. Указ соч. С. 446.

¹⁹ Там же. С. 458.

²⁰ Там же. С. 350.

²¹ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 28–31.

²² Соловьев В.С. Указ соч. С. 381.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Система нравственности // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 330, 333–334.

нормальной жизни оступившегося (преступника или правонарушителя).

Конечно, В.С. Соловьев подходит к рассмотрению права не как юрист, а как философ-этолог²³, в результате чего некоторые его трактовки отдельных правовых явлений страдают неточностями и некоторой поверхностностью юридического понимания, за что его критиковали правоведы уже на рубеже XIX и XX вв.²⁴ Тем не менее

и юристы находили и находят в исследованиях В.С. Соловьева много интересного и полезного, его подходы, рассуждения и выводы дают возможность по-новому взглянуть на, казалось бы, известные проблемы, позволяют вследствие оригинальной постановки проблем добиться нового качества в философско-правовых исследованиях. Итак, как мы видим, мастерски проработанная и показанная В.С. Соловьевым диалектика права и нравственности и сегодня не утратила актуальности и значимости (по крайней мере в рамках проблематики философии права, т. е. той проблематики, которой много времени и сил отдал В.С. Нерсисянц, в чью память проводятся очередные философско-правовые чтения), что, впрочем, не лишает дискуссионности отдельных его выводов.

²³ Впрочем, целый ряд ученых относит В.С. Соловьева к числу основоположников отечественной философии права. См., в частности: Жуков В.Н. Философия права (Теоретико-методологический аспект) // Гос. и право. 2009. № 3. С. 21.

²⁴ Такая критика отдельных идей содержится, например, в рецензии Г.Ф. Шершеневича на книгу В.С. Соловьева "Оправдание добра. Нравственная философия" (см.: Вопросы философии и психологии. 1897. № 38 (III). С. 456–471).